

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОРОДОВ

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾

¹⁾*Институт журналистики Белорусского государственного университета,
ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Республика Беларусь*

Анализируется трансформация публичного пространства постсоветских городов. Вводится понятие «городское публичное пространство», интерпретируются его структурная организация и функциональная наполненность. Рассматриваются ключевые принципы и специфика конструирования советского публичного пространства (на основе материалов глубинного ретроспективного интервью), отмечаются основные направления его трансформации в контексте постсоветских городов (идеологические, экономические и социальные сдвиги), интерпретируется кризис публичности в современном городе.

Ключевые слова: город; пространственная парадигма; «право на город»; городское публичное пространство; «третье место»; публичное пространство советского города; постсоветская трансформация публичности; «кризис публичности».

TRANSFORMATION OF PUBLIC SPACE IN POST-SOVIET CITIES

A. V. LEBEDZEVA^a

^a*The Institute of Journalism of the Belarusian State University,
Kal'varijskaya street, 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus*

The transformation process of the public space in post-Soviet cities is given analysis to. The concept of «urban public space» is introduced, and its structural organization and fullness with functions are interpreted. The specificity and key design principles of the Soviet public space are considered (applying the materials of deep retrospective interviews); main directions of its transformation in the context of post-Soviet cities (ideological, economic and social changes) are outlined; the crisis of publicity in a modern city is interpreted.

Key words: city; spatial paradigm; «right to city»; urban public space; «third place»; public space of Soviet city; post-Soviet transformation of publicity; «crisis of publicity».

Начиная с конца XX в. так называемый пространственный поворот (усиление пространственно-географического компонента) проявляется во многих социально-гуманитарных науках (философии, литературоведении, антропологии, социологии и др.), которые начинают активно оперировать разнообразными метафорами пространства. Современные исследователи даже говорят о появлении новой дисциплины – культурной географии, которая рассматривает пространство как социальный продукт, результат экономического и культурного производства. Основой пространственной парадигмы городской социологии стали идеи философа, теоретика неомарксизма Анри Лефевра («Производство пространства», 1974), конструктивистские представления социолога Пьера Бурдьё («Различение. Социальная критика суждения», 1979), а также критическая концепция географа-постмодерниста Эдварда Соджи («Постмодерные географии: восстановление пространства в критической социальной теории», 1989), позже дополненная Дэвидом Харви («Право на город», 2003). Кратко суть этой теории можно изложить

Образец цитирования:

Лебедева Е. В. Трансформация публичного пространства постсоветских городов // Социология. 2016. № 4. С.

For citation:

Lebedzeva A. V. Transformation of public space in post-Soviet cities. *Sotsiologiya*. 2016. No. 4. P. (in Russ.).

Автор:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации.

Author:

Alena Lebedzeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of technology of communication.
Elena_lebedeva_bsu@tut.by

следующим образом: непосредственное пространство индивидуальной жизнедеятельности конструируется социумом в процессе экономического и культурного функционирования. С учетом марксистских корней данного направления за основу любого города берется его физическая пространственная организация («способ производства» города), которая, в свою очередь, создает особый тип социальных практик, по-своему утилизирующих и преобразующих физическое «тело» города. При этом изменения в «способе производства» (преобразование городской территории) способны сформировать новые социальные практики (привести к появлению новых форм городской жизни). И наоборот, новые социальные практики способны преобразовать старую городскую территорию: «когда новые социальные практики формируют новое социальное пространство, на обломках старого города возникает новый» [1, с. 275]. Анри Лефевр называет данный бесконечный процесс «написанием пространственного кода», и утверждает, что это «не просто способ чтения и интерпретации пространства, это скорее способ жизни в этом пространстве и также способ производства его» [2, с. 47–48]. Он впервые вводит в городскую социологию понятие «право на город», подразумевая под ним процесс постоянного присвоения городского пространства (но не владения им), как право на публичную городскую жизнь, на изменение сложившегося порядка вещей. На практике реализация концепции права на город отражается в том, как представлены в городской среде разные социальные группы (женщины, дети, пожилые люди, люди с ограниченными возможностями, этнические и религиозные меньшинства и т. п.), насколько они «видимы» или «невидимы» в городе. Э. Соджа анализирует особенности производства пространства в эпоху капитализма, который, по его мнению, отличается «неравномерным развитием», порождая неизбежный дисбаланс между экономически развитыми и отсталыми районами, обеспечивающими резерв как рабочей силы, так и рынков сбыта, по сути, разделяя город на продавцов и покупателей [3, р. 176]. Капитализм создает «пространственное разделение труда», что приводит к жесткой пространственной сегрегации города (рабочие кварталы и бизнес-центры, зоны активного потребления и промышленные зоны, элитная жилая застройка и городские трущобы). При этом борьба за реализацию «права на город» часто выливается в массовые уличные беспорядки, в ходе которых национальные, социальные или гендерные меньшинства пытаются отстоять свое место в городской среде (к примеру, лос-анджелесский бунт в 1992 г.¹). Д. Харви смещает исследовательский фокус с масштабных изменений пространственного ландшафта на отдельные географические локусы, впервые вводя в городскую социологию понятие «место», иными словами, осуществляет переход с уровня *space* (пространство) на уровень *place* (место). При этом любое «место» есть результат воздействия определенных социальных и экономических механизмов (Д. Харви отвергает феноменологическую традицию приписывания различным «местам» самопорождающихся сакральных смыслов, таких как дом, чувство корней и т. п.). Также он подчеркивает, что «право на город» опосредовано «пространственной организацией политической власти» [4, с. 87], т. е. тем, как именно репрезентирована политическая власть в городском пространстве.

Соблюдая логику пространственной парадигмы, попытаемся решить следующие задачи: дать социологическую интерпретацию концепта «публичное пространство», описать специфические черты советского городского публичного пространства и рассмотреть основные направления его трансформации в контексте постсоветского города.

Все многообразие подходов к пониманию публичного пространства можно условно разделить на две группы. В рамках первой (Ю. Хабермас, Х. Арент, А. Лефевр и др.) «публичность понимается как пространство встреч свободных граждан и выработки ими – на основе свободной и определенным образом организованной коммуникации – точки/точек зрения на некоторые общие вопросы жизни общества, не касающиеся их частных интересов» [5]. Протообразом публичного пространства в данном случае выступает древнегреческая агора как место общегражданских собраний или же древнеримский форум, в котором проходила вся городская жизнь, заключались сделки, велись переговоры. В такой интерпретации понятие «публичное пространство» приобретает определенный политический оттенок и, как правило, употребляется в контексте борьбы за «право на город», выработки различных политических решений или же решения общественно значимых вопросов.

¹ Массовые беспорядки в Лос-Анджелесе, продолжавшиеся с 29 апреля по 4 мая 1992 г. и унесшие жизни 53 человек, были спровоцированы неоправданной жестокостью со стороны белых полицейских при задержании чернокожего водителя, остановленного за превышение скорости.

В рамках второй группы (Р. Сеннет, Д. Джекобс, Л. Лофланд, Р. Ольденбург и др.) публичность рассматривается как социабельность (*sociability*) – способность к осуществлению социального взаимодействия, социальной жизни. Под публичными пространствами в данном случае подразумевают пространства, где происходят «многочисленные незапланированные взаимодействия», «незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга» [6, с. 60], пространства, выступающие в роли «универсального социального смесителя» [7, с. 21] или же сцены для «представления себя другим в повседневной жизни» [8, с. 164]. Это могут быть как «промежуточные пространства» (городские площади, улицы и тротуары, парки и скверы, аллеи и бульвары), так и разнообразные «третьи места» (кофейни, пабы, клубы по интересам и т. п.). Форма здесь вторична, поскольку самая важная характеристика городского публичного пространства заключается именно в том, что в нем происходит или может происходить. В интерпретации Лин Лофланд всевозможные городские «места» условно разделены на две большие группы в зависимости от их принадлежности к публичной или частной сферам городской жизни. Для каждого «места» свойствен особый тип социальных практик: личные социальные отношения (реализуются в частной сфере: в семье, среди друзей и т. п.), публичные социальные отношения (взаимодействия незнакомцев, характерные для публичной сферы), а также промежуточный местно-локальный тип социальных отношений (соседские сообщества) [9, р. 12]. Граница между частным и публичным в городском пространстве условна и в определенных ситуациях может и вовсе исчезать, однако функциональность этих двух сфер существенно различается. По мнению американского социолога Шарон Зукин, публичное пространство характеризуется возможностью самостоятельно «режиссировать» собственную активность (устанавливать «правила игры»), а также свободным доступом для всех [10, р. 33]. Стоит также подчеркнуть, что фундаментальной мотивацией посещения публичного пространства не может быть личная выгода или гражданский долг. Задача городского публичного пространства заключается в том, чтобы обеспечивать неформальное, неструктурированное и «необязательное» общение горожан, выступать в качестве ключевой точки неформальной публичной жизни, а также «делать возможной коммуникацию между разнородными индивидами и группами, что создает такой положительный феномен, как космополитизм»¹ [9, р. 214]. В связи с этим оно должно обладать такими характеристиками, как удобство для осуществления коммуникативных практик, наличие поводов для активизации коммуникации и пр.

Обозначив основные черты городского публичного пространства, перейдем к рассмотрению его советской специфики. Рациональные принципы экономического планирования оказали значительное влияние на пространственную организацию советских городов. «Старые города, чей облик сформировался задолго до XX века, являлись в некотором роде исключением, но их растущие новые районы, а особенно же города, основанные за период советской власти, являются собой яркие примеры имплементации принципов рационального планирования» [11, с. 16]. Воплощенные в реальности, эти принципы отразились во внешнем облике большинства городов Советского Союза, что позволило исследователям говорить о существовании **общей модели советского города**. Основными чертами являются следующие: пространственное равенство в распределении единиц общественного потребления; максимально возможное сокращение времени, необходимого для преодоления расстояния дом – работа; жесткое зонирование использования территорий; рационализация движения транспортных потоков. Безусловно, рациональные принципы градостроения встречались и в работах западных урбанистов (например, «сетка Кристаллера»), однако уже в 1960-е гг. позитивизм постепенно сменяется более гуманистическими и антропоцентрическими принципами городского планирования, тогда как в СССР монополия этого дискурса просуществовала значительно дольше. Согласно идеологии советского планирования сегрегация как социальное различие была невозможна из-за унифицированных пространственных паттернов, примерно одинаковой плотности застройки, равномерного распределения сооружений культурно-бытового обслуживания. Незначительные социально-пространственные и культурные различия в жизни горожан постепенно исчезали, не было таких явлений (привычных для западных городов), как престижный район или этническое гетто. Единственно возможной в данном случае была дифференциация на основе производственного статуса. Разумеется, на практике встречались исключения (к примеру, эксклюзивный доступ к определенным местам городского пространства

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е. Л.

высокостатусных групп советского общества), однако в целом идеология социального равенства и приоритета производственных интересов доминировала.

Стоит отметить, что термин «публичное пространство» не встречался в советском городском планировании, так как вся территория города считалась публичной (т. е. принадлежащей в равной степени всем горожанам) по умолчанию. Вместо этого советские архитекторы использовали такие понятия, как «свободное» или «открытое» пространство, имея в виду участки города без какой-либо застройки. Если же речь шла о центральной части города, использовался термин «общественное пространство», акцентирующий важную роль коллективизма в жизни социалистического города. Все общественные пространства того времени можно было разделить на три большие группы: система общественных центров, система магистралей, система озеленения. Общественный центр выполнял важную политическую и идеологическую функцию, являясь наглядным воплощением коммунистических идей и ценностей. Архитектурные ансамбли центральной части советских городов были призваны «создать идейно-художественный образ большой впечатляющей силы» [12, с. 10], что воплощалось и в проектировании (значительные размеры, монументальные пропорции), и в дизайне (большое количество политических символов) городских площадей, парков и проспектов. Проведение различных парадов, митингов и демонстраций считалось главной функцией общественного центра и в значительной степени обуславливало его внешний вид. Например, обязательным было наличие прямых, протяженных проспектов, организующих «прямой путь движения демонстрантов» [12, с. 13]. Безусловно, советское городское планирование предусматривало также широкий набор возможностей для отдыха и активного образа жизни горожан (различные парки, катки, спортивные площадки и т. п.). Однако их присутствие артикулировалось скорее как необходимый элемент социалистического образа жизни, как забота государства о своих гражданах, чем возможность для развития локальной активности и местного самоуправления горожан, самостоятельного «освоения» городской территории, реализации «права на город».

Современная социологическая трактовка публичного пространства советских городов достаточно фрагментарна и противоречива. Так, Энтони Гидденс, описывая особенности урбанизации в странах Восточной Европы, говорил о том, что «организация пространства советских городов определялась соображениями общественной пользы, а не рыночной стоимостью, как в западных странах» [13, с. 411]. Так как территория центральной части советского города (впрочем, как и любая другая) принадлежала государству и поддерживалась за счет государственного бюджета, то ее внешний вид часто был более презентабельным, чем запущенные районы в центре западных городов. Э. Гидденс положительно характеризовал равномерную плотность застройки и отсутствие однородных этнических районов (например, как в городах Британии и Америки). Однако в целом в англоязычной литературе доминирует критическая интерпретация советского публичного пространства, тесно увязывающая его с существовавшим в те годы политическим режимом. Авторы отмечают, что формальный статус общественного пространства не отражал реальных возможностей его использования: чаще всего это была «сцена», предназначенная для коллективных действий, организованных властями. Главная задача ее заключалась в том, чтобы «служить символическим инструментом трансляции необходимой идентичности» [14, р. 5], «превратить хаос городской жизни в логически организованное пространство человеческой деятельности, отвечающее потребностям доминирующей идеологии» [15, р. 289]. Советские центральные площади описываются как «хорошо подходящие для военных парадов и различных демонстраций, однако отчужденные и безжизненные с точки зрения межличностного взаимодействия» [16]. Характерным признаком «идеального советского ландшафта» считалась монументальность архитектуры центральных районов, подчеркивающая могущество советской власти и демонстрирующая главные достижения социализма. Все это в значительной степени определяло символическое наполнение советского общественного пространства, в котором «широкие народные массы превращались в крайне дисциплинированных граждан» [14, р. 7]. Кроме того, само существование публичных пространств в советских городах интерпретируется как «прозрачный намек на желание государства контролировать жизнь своих граждан всегда и везде» [15, р. 289]. Иными словами, «обширный политический контроль и надзор превратили “пространство-для-всех” в “пространство-ни-для-кого”» [17].

Критическую линию продолжает и современная российская урбанистика. Ее представители отмечают, что организованное и контролируемое публичное пространство

советского города постепенно утратило способность выполнять свои функции (выступать в роли «социального смесителя», обеспечивать свободное и «необязательное» взаимодействие горожан и т. п.) и фактически сместилось с центральных городских районов непосредственно в жилые кварталы (превратившись в «неформальное», или «альтернативное», публичное пространство). «Неконтролируемые собрания людей в центральных открытых пространствах были нежелательны, и повседневные взаимодействия городских жителей были загнаны в приватную сферу или в пустые ничейные места: кухни, гаражи, задние дворы и пустыри, формируя именно в этих зонах жизнь, альтернативную той, что была навязана государством» [18, с. 269].

Осуществить полноценный анализ публичного пространства советского города на данный момент затруднительно, так как исследования на подобную тему проводились крайне редко. Тем не менее эмпирической основой в данном случае могут выступать воспоминания жителей города о соответствующем периоде. Данная информация была получена в ходе глубинных ретроспективных интервью, проведенных в августе – сентябре 2016 г. В роли информантов выступили минчане 1950–70-х гг. рождения, в качестве периода для описания были предложены 1970–1985 гг. (в зависимости от возраста респондентов). Всего было проведено 23 интервью. В качестве площадки для сбора эмпирической информации был выбран именно Минск, так как он представляет собой классический образец советского города, фактически заново отстроенного в период расцвета советской власти (после 1945 г.), «мифическо-символический “город Солнца”, то есть идеальный город советской мечты» [19, с. 33], обязанный «советскому строю как своим внешним видом, так и своим обновлением; он не только воспринял советскую логику выстраивания пространства – он стал ею» [20, с. 107]. Перечень вопросов глубинного интервью был разбит на два логических блока, описывающих формальное и неформальное публичное пространство советского Минска. Респондентам предлагалось вспомнить и описать типичные социальные практики, характерные для «формального» (центральные городские парки, проспекты, площади) и «неформального» публичного пространства (жильные дворы, пустыри и незастроенные участки вблизи жилых домов). Особое внимание уделялось таким аспектам, как взаимодействие с другими горожанами, механизмы социального контроля в границах описываемого пространства, а также ощущение безопасности. Обратимся к результатам.

Ключевой особенностью формального публичного пространства, по мнению информантов, являлось то, что времяпрепровождение в нем, *во-первых, предполагало специальную подготовку: Поездки в город всегда планировали заранее; Дети очень ждали; Как правило, наряжались, готовились; Выбирались всей компанией¹. Во-вторых, оно требовало повода или внешнего стимула: Чаще всего это было, конечно, по праздникам – 1 Мая или День Победы. Но иногда могли и просто в выходной день в город выбраться. Если дети хорошо себя вели, устраивали им праздник; Нас, студентов, по разнарядке собирали на демонстрацию. В-третьих, это времяпрепровождение имело конкретную цель: В парк мы всегда ездили с определенной целью; Просто так выбирались редко, чаще всего ездили с конкретной целью: покататься на каруселях, поесть мороженое; На проспект Ленина ездили для того, чтобы посетить кафе; На проспект Ленина постоянно ездили смотреть новые фильмы в кинотеатрах.*

Взаимодействие с другими горожанами в границах формального публичного пространства либо отсутствовало (*Мы просто ехали в город погулять и другие горожане нас не сильно интересовали*), либо приобретало форму конкуренции (*Кругом были очереди; Поедешь, полдня простишь в очереди и только потом посидишь в кафе; Запомнились длинные очереди на аттракционы в парках*). В ряде случаев отмечался общий дружелюбный настрой, однако это касалось главным образом городских праздников: *Народ гулял, веселился; Все дружно шли поздравлять ветеранов; Мы все шли дружной колонной*. В обычные же дни центр города, как правило, не выполнял функции «социального смесителя»: *Был ли городской парк местом взаимодействия горожан? Не в первую очередь. Люди больше общались своими компаниями.*

Что касается **механизмов социального контроля**, то респонденты обычно отмечали наличие «внутреннего» незаметного контроля: *Я не помню, чтобы был внешний контроль, чтобы ходила милиция, но все равно было спокойно. Люди были заняты своим делом, никто никого не трогал*. Соответственно, формальное публичное пространство советского города описывалось как абсолютно безопасное: *Чувствовали себя совершенно свободно; Никакой опасности ни днем, ни вечером мы не чувствовали;*

¹ Здесь и далее курсивом выделены цитаты текстов глубинных интервью.

Можно было свободно и ночью ходить, и ничего не опасаться; Спокойно гуляли там, где хотели; Никаких террористов не было, и слова такого люди не знали.

Таким образом, преобладала развлекательная и рекреативная функции городского публичного пространства, на что указывают цитаты: *Культурная организация досуга людей; Кусочек живой природы в центре города; Место, где можно погулять; Организованно и целенаправленно проводить свободное время.* Также можно отметить его идеологическое значение: *политическое место, там все очень торжественно; Место, где проходят государственные праздники.*

Выделим **ключевые характеристики неформального публичного пространства** (жилые дворы, незастроенные участки, прилегающие к жилым домам, зеленая зона, спортивные площадки в непосредственной близости от дома и т. п.):

1) **способность объединять район.** Неформальное публичное пространство описывалось как место, которым пользовались практически все жильцы близлежащих домов, где соседи могли периодически встречаться и хотя бы коротко разговаривать друг с другом: *Каждый знал почти всех; Во дворе были столы, за которыми взрослые собирались и играли в домино, шашки, шахматы; Были столики для игры в настольный теннис, мы часто играли с соседями; Дворами или как минимум подъездами отмечали все праздники; Мы во дворе носились толпой, все друг друга знали.* Жилые дворы и примыкающие к ним территории выступали в роли нейтральной площадки, что позволяло соседям выработать определенные формы общения (например, дружеские): *Мы сразу все перезнакомились, нашли общий язык; Позже я увидел, что это были не просто соседи, а настоящие друзья; Жили все дружно, как одна семья; Соседи часто ходили в гости друг к другу, даже без особого повода;*

2) **способность выступать в роли «организационного пункта».** Жильцы участвовали в благоустройстве двора: *Подъезд был убран, не было такого, что кто-то не хотел убирать, если приходила его очередь; Был субботник: все выходили, цветы сажали, мусор убрали; Было стыдно не пойти на субботник и дома отсидеться; Взяли лопаты, грабли – пошли работать, было внутреннее желание; Во дворе поддерживали порядок все время, всегда было чисто, всегда возле подъездов цветы росли. Соседи оперативно помогали друг другу: Надо тебе соль, надо тебе хлеб, надо тебе ребенка посмотреть – пожалуйста, никто никогда не отказывал; Соседи могли одолжить что-то, попросить, могли детей оставить посмотреть, могли угостить чем-то.* Такая способность к самоорганизации обеспечивала жилой двор «публичными персонажами» (так называемыми старожилками) – неформальными лидерами, которые могли поддерживать порядок (*В любом подъезде были свои старожилы, которые следили за порядком; Бабушки на лавочке всегда могли замечание сделать, если что, могли родителям рассказать, мы этого боялись*), распространяя идеи солидарности (*Моя мама была очень активная, она всегда на субботник первая выходила, глядя на нее и остальные подтягивались*), выступать в роли узнаваемого символа, обозначая границы локального сообщества (*Был у нас один сосед, на гармошке играл по праздникам, его все знали*);

3) **чувство принадлежности к дворовой территории и ответственности за ее состояние.** Жилые дворы информанты описывали следующим образом: *Мой дом; Моя крепость; Наша территория; Мы там себя чувствовали спокойно и безопасно, как на своей земле; Относились к жилому двору как к своей земле, клумбы делали, деревья сажали; Понимали, что это наш двор, нам здесь жить, и ломать тут ничего нельзя.*

Взаимодействие с другими горожанами в границах неформального публичного пространства приобретало черты локального сообщества: наличие определенной территории, воспринимаемой всеми членами сообщества как своей; общность интересов, ценностей или образа жизни (*Дети наши в одну и ту же школу ходили; Вместе с колясками во дворе гуляли; Вместе квартиры получили в новом доме*); способность к самоорганизации и кристаллизации автономных структур управления (*Все взрослые во дворе присматривали за всеми детьми*); эмоциональная связь членов сообщества, способная длительно существовать через преемственность поколений (*Все события переживали вместе с соседями; Родители дружили, теперь дети их подросли и между собой семьями дружат*); способность принимать на себя ответственность в зоне своих интересов (*Сами выходили и делали, это ведь нам в первую очередь нужно было*). **Социальный контроль** над неформальным публичным пространством осуществлялся на уровне «постоянного незримого слежения со всех сторон» [21, с. 20] (*Соседский контроль существовал в виде сплетен: кто-то увидел, рассказал – и уже*

весь двор обсуждает; Старшие контролировали младших), что и обуславливало чувство безопасности, которое упоминали абсолютно все информанты.

Сопоставляя выделенные характеристики публичного пространства, можно сделать вывод о том, что идея «третьего места» в большей степени соответствовала именно неформальной части советского города, а не центральным улицам, проспектам или городским паркам. Жилые дворы и примыкавшие к ним зеленые зоны выступали в качестве «сцены для социального действия», позволяли горожанам взаимодействовать, способствуя социализации подрастающего поколения, устанавливая негласные правила сосуществования.

Произошедшие после падения советской системы экономические и политические перемены преобразили внешний облик советских городов до неузнаваемости, роль публичных пространств подверглась переинтерпретации. В постсоветской трансформации городского публичного пространства можно выделить ряд значительных сдвигов:

- *идеологический*. Под сомнение было поставлено политическое значение публичного пространства как ресурса национальной идентичности и коллективной памяти;
- *экономический*. Появились новые элементы экономической инфраструктуры города, такие как деловые районы, торговые улицы и торгово-развлекательные центры. Выработались новые практики приватизации и коммерциализации городского публичного пространства;
- *социальный*. Произошел процесс социоэкономической поляризации общества, маргинализации его отдельных элементов, а также значительных изменений в системе ценностных ориентаций горожан [17].

Как следствие, описанные нами черты публичного пространства все реже могут быть обнаружены в жизни постсоветского города. Д. Харви называет такую трансформацию пространственным кризисом: ландшафт, приспособленный к определенной фазе развития, становится барьером для последующей трансформации города. В ситуации смены экономической базы развития города его географическая конфигурация должна быть переформирована для новых транспортных и коммуникационных инфраструктур, центров и стилей производства и потребления, скоплений рабочих рук и трансформированных социальных инфраструктур. «Старые места должны быть обесценены, разрушены и перестроены, в то время как новые места – созданы заново» [22, р. 296]. При этом пространственный кризис затронул не только постсоветские города. Современные архитектурные решения часто контролируют публичную сферу, делая ее «непубличной» – «управляемой, гомогенной и предсказуемой» [9, р. 200]. Можно даже говорить о нарастающем кризисе публичности, обусловленном ростом приватизации и коммодификации публичного пространства, тенденциями антиурбанизма, возрастающей боязнью *Других*, а также виртуализацией повседневной жизни. В понятийном аппарате городской социологии появляются такие категории, как «псевдопубличные пространства» («не-места»), не способствующие развитию культуры общения и взаимодействия людей, а наоборот, увеличивающие социальную сегрегацию горожан. Зигмунт Бауман описывает «не-места» как неприветливые и безлюдные «высокомерные» пространства, в которых некомфортно находиться (например, пустынные центральные площади или переполненные автомобилями городские улицы), где «все в пределах видимости вселяет страх и не вызывает желание задерживаться» [23, с. 105]. К «не-местам» относятся и разнообразные пространства потребления (торгово-развлекательные центры), создающие иллюзию общности и сходства, но при этом избавляющие от потребности во взаимодействии и общении (поощряющие действие, а не взаимодействие). Также кризису публичности способствуют появление густонаселенных микрорайонов, уплотнение имеющихся жилых территорий, предпочтение многоэтажной застройки, вследствие чего градостроительство превращается в один из мощных инструментов социально-территориальной сегрегации населения. Приходят в упадок городские сообщества (в первую очередь соседские), способность горожан к самоорганизации на местном уровне ослабевает, а публичное пространство из «социального смесителя» и «сцены для социального взаимодействия» превращается в «гигантский экран, на который проецируются частные заботы, место, где публично разглашаются частные тайны и интимная жизнь» [23, с. 48]. В результате горожанин, являясь, по существу, лишь потребителем городской среды, теряет возможность участвовать в процессе ее производства, что может способствовать росту отчуждения и равнодушия к своему окружению.

Жизненная среда организует человеческую активность, формируя объективные формы социального взаимодействия. Если она «не располагает к общению с другими

людьми, если детям негде поиграть и они во дворе собственного дома “маневрируют” среди машин, если подросткам и молодежи негде собираться, если люди используют городское пространство лишь для того, чтобы как можно скорее добраться до места работы, учебы или домой» [24, с. 26], то многие негативные черты городской жизни (безразличие горожан друг к другу, потребительское отношение к городу и ослабление чувства личной ответственности, изоляция индивидов, утрата идентификации с городом) будут сохраняться.

Таким образом, приоритетной задачей современного градостроительства должно стать создание и поддержка публичного пространства, обладающего потенциалом конструирования социальности – инклюзивного, удобного для осуществления различных коммуникативных практик, способного активировать межличностное взаимодействие и обеспечить возможность партисипативного участия горожан в его производстве. Это возможно только при условии совместного участия многих сторон: городской администрации, социально ответственного бизнеса, а также самих горожан, активно участвующих в преобразовании городского ландшафта. Кроме того, важную роль в данном случае играет социологическое обеспечение управленческих решений, касающихся развития и преобразования городского публичного пространства, особенно если такое преобразование затрагивает непосредственную среду обитания горожан и напрямую влияет на качество их жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Черняева Н. А. Культурная география и проблематика «места» // Известия Уральского университета. Гуманитарные науки. 2005. № 35, Вып. 9. С. 273–283 [Chernyaeva N. A. Kul'turnaya geografiya i problematika «mesta». *Izvestiya Ural'skogo univ. Gumanitarnye nauki*. 2005. No. 35, Vol. 9. P. 273–283 (in Russ.)].
2. Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.
3. Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory (Radical Thinkers). N. Y., 2011.
4. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94 [Kharvi D. Pravo na gorod. *Logos*. 2008. No. 3. P. 80–94 (in Russ.)].
5. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литератур. обозр. 2012. № 5 (117) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2638#sthash.ixC7rkWP.dpuf> (дата обращения: 21.04.2016) [Pachenkov O. Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti: mobil'nost' i «zloupotreblenie publichnost'yu». *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2012. № 5 (117) [Electronic resource]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2638#sthash.ixC7rkWP.dpuf> (date of access: 21.04.2016) (in Russ.)].
6. Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002.
7. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкановой. М., 2014.
8. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ., и вступ. статья А. Д. Ковалева. М., 2000.
9. Lofland L. H. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory. New Brunswick ; London, 2009.
10. Zukin S. The cultures of cities. Oxford, 1995.
11. Чешкова А. Ф. Методологические подходы к изучению пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В. В. Вагин. М., 2000. С. 13–38.
12. Матвеева Н. М. Общественные центры городов // Архитектура СССР. 1972. №7. С. 9–13 [Matveeva N. M. Obshchestvennyye tsentry gorodov. *Arkhitektura SSSR*. 1972. No. 7. P. 9–13 (in Russ.)].
13. Гидденс Э. Социология (при участии К. Бердсолл) : пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
14. From Socialist to Post-Socialist Cities. Cultural politics of Architecture, Urban Planning and Identity in Eurasia / ed. by A. C. Diener, J. Hagen. London, 2014.
15. Engel B. Public space in the «blue cities» of Russia // The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism. K. Stanilov (ed.) 2007. Vol. 92. P. 285–300.
16. Hatherley O. Soviet squares: how public space is disappearing in post-communist cities // The Guardian [Electronic resource]. URL: http://www.theguardian.com/cities/2016/apr/21/soviet-squares-public-space-post-communist-cities?CMP=share_btn_tw (date of access: 21.04.2016).
17. Neugebauer C. S. Loss and (re-)construction of public space in post-Soviet cities // Int. J. Sociol. Soc. Pol. 2015. Vol. 35, issue 7–8 [Electronic resource]. URL: <http://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/IJSSP-04-2015-0042> (date of access: 20.04.2016) [Neugebauer C. S. Loss and (re-)construction of public space in post-Soviet cities. *Int. J. Sociol. Soc. Pol.* 2015. Vol. 35, issue 7–8 [Electronic resource]. URL: <http://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/IJSSP-04-2015-0042> (date of access: 20.04.2016) (in Engl.)].

18. Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство России до и после протестной волны 2011–2012 // *Stasis*. 2014. Т. 2. № 1. С. 260–295. [A. Zhelnina «Hanging out», Creativity, and the Right to the City: Urban Public Space in Russia before and after the Protest Wave of 2011–2012. *Stasis*. 2014. Vol. 2, No. 1. P. 260–295 (in Russ.)].

19. Титаренко Л. Г. Городское развитие на постсоветском пространстве: теоретические модели и реальность // *Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку* / под общ. ред. Й. Терборна ; науч. ред.: Л. Г. Титаренко, Ж. М. Грищенко. Минск, 2009. С. 23–40.

20. Клінаў А. Малая падарожная кніжка па Горадзе Сонца. Мінск, 2008.

21. Джекобс Д. Назначение тротуаров: безопасность // *Логос*. 2008. № 3. С. 3–23 [Dzhekobs D. Naznachenie trotuarov: bezопасnost'. *Logos*. 2008. No. 3. P. 3–23 (in Russ.)].

22. Harvey D. *Justice, Nature and The Geography of Difference*. N. Y., 1996.

23. Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2008.

24. Дридзе Т. М. Вернуть столицу горожанам // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5. С. 26–34 [Dridze T. M. Vernut' stolitsu gorozhanam. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 1997. No. 5. P. 26–34 (in Russ.)].

Статья поступила в редколлегию 02.11.2016.

Received by editorial board 02.11.2016.